

Объятие победителя

Сегодня -
1994 - 14 дек -
с. 15.

«Венчание» Витольда Гомбровича. Режиссер Ежи Яроцкий. Художник Ежи Юк-Коварский. Гастроли театра «Стары» из Кракова

Мargarита Хемлин

В

темноте, из темноты, в темноту — действие спектакля перетекает, перехлестывает через край, через рампу; чернота глубокой сцены и неосвещенность зала сливаются, чтобы наконец закрутиться воронкой и втянуть в нее героя — Солдата второй мировой войны, то ли прикорнувшего между боями и видящего сон, то ли сошедшего с ума, то ли вдруг осознавшего и различившего в сумрачном потоке будущее. Слишком ясно различившего, надо полагать, оттого и свихнувшегося.

Написанное вскоре после войны, «Венчание» застало вклокоченного победителя врасплох. После ужасов фашизма нужно было реанимировать бога, воскресить человека.

Освободитель мира покусается на рискованный эксперимент — самому стать для себя богом, самому обвенчать себя с невестой; проблемы в этом он не видит, волнует лишь — какую форму избрать для осуществления венчания. Форма диктует: лиши себя отца, матери, друга. Растопчи, оскверни. Освободившись от них — избавишься и от себя прежнего, больного, запутавшегося, излопавшегося.

Солдат, одолевший, как ему казалось, тоталитаризм, становится диктатором. Сделав собственную черепную коробку полем битвы, он изнутри взрывает, калечит, разлагает себя. Изошренно, даже художественно. Постепенно выходя за рамки собственной личности. Победитель должен радоваться. Но Солдат Гомбровича и Яроцкого раздавлен, размазан, к дальнейшему земному использованию не пригоден. Бога нет. Человек развенчан. Война выиграна и, выигранная, длится.

Ассоциации плотно прилегают одна к другой, логическая цепь образов крепка и, кажется, неразрывна. Руки Солдата (его играет вайдовский «человек из железа» Ежи Радзивилович) тянутся, чтобы заключить в объятия мать, отца, любимую, друга — и объятие становится смертельным, как поцелуй Иуды. Отломанная ножка стула и сморщенное яблоко превращаются в скипетр и державу. Вытянутый палец — перст указующий, меч и фаллос. Девическая невинность попирается в корчме, где пьяные орут дурными голосами и зашутанный хозяин — отец Солдата — отчаянно трется зудящим причинным местом об угол стола.

В воспаленном мозгу Солдата пространства для развития подобных сюжетов достаточно. Пьяный кричит: «Свинья»,

и Солдат радостно подхватывает: «Свинство, свинство». Пьяный визжит: «Морда, морда», и Солдат продолжает до иступления: «Дать в морду, мордой, об морду». Невеста Солдата, брошенная на пол, пытается заслониться от насильников ногой в красной туфельке, замечает царापинку. Слонит пальчик, вытирает красный башмачок. Попранная невинность страдает от еле видной царпины на туфле — победитель-интеллектуал упирается грязью и свинством.

Дальше, дальше, еще, еще! Уже не лохмотья, а бархатные камзолы, уже не пьяное голошение, а галантное пение. Грязная корчма превращается в королевский двор. Мечта о неприкосновенности (заветнейшая мечта на войне) сбывается. Отец наряжен в мантию и корону. Солдат вот-вот завладеет короной родителя. Неприкосновенность — гарантия не только выживания, но и безопасности кошуинства.

Солдат радуется искусственности ситуации, картинности положения. Все более тугому стягиванию узлов. (Будто затягивают смирительную рубашку.)

Крик Солдата, уже совершенно обезумевшего после вождленного избавления от всего святого: «Дайте мне человека!» — значит лишь то, что на земле больше людей не осталось. Война выиграна. Поле выжжено. Последний Солдат-победитель добровольно идет за решетку, осудив себя строго и вполне по-солдатски. Длинный спектакль о человеке, возмнившем, что он хозяин себе, своему воображению и своей победе, заканчивается внезапно. Клубок, свившись, теряется во тьме.

Странно, что почти за пятьдесят лет со времени написания пьесы Герой Гомбровича не успокоился. Усталость, заполнившая все и вся, словно не коснулась стойкого солдатика. Яроцкий ставил «Венчание» много раз. В разные годы. Это — последний вариант. В нем плакатность начала шестидесятых, рефлексии конца тех же шестидесятых. И обреченность шестидесятых же. Вечная европейская растерянность перед неупорядоченностью внутреннего мира. Перед неограниченной возможностью саморазрушения. Перед соблазном растления. Перед необходимостью жить.

